

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Ю. М. НАГИБИНУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР направил Юрию Марковичу Нагибину приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного прозаика и кинодраматурга, со знаменательной датой — шестидесятилетием со дня рождения и сорокалетием творческой деятельности.

Вы принадлежите к тому поколению советских писателей, которое свой первый жизненный экзамен держало в суровых условиях — на фронтах Великой Отечественной войны. Со студенческими скамьи, в 1942 году, Вы ушли добровольцем на фронт. Тема войны стала лейтмотивом Вашей первой книги рассказов «Человек с фронта», изданной в 1943 году.

С годами ширился мир Вашей прозы, крепло Ваше писательское мастерство. Обнаружив довольно редкую в наши дни столь долгую, постоянную приверженность к жанру короткого рассказа, Вы постепенно углубляли в нем линию психологического анализа, шлифовали свое умение пластично раскрывать характеры, шли «глубь». Лучшие Ваши рассказы стали заметным явлением в прозе последних десятилетий, некоторые из них счастливо превратились в хрестоматийные.

Широко известны фильмы, поставленные по Вашим сценариям: «Председатель», «Бабье царство», «Трудное счастье», «Самый медленный поезд» и другие.

Мы высоко ценим Вашу яркую писательскую публицистику, поэтические, запоминающиеся рассказы для детей, интересные путевые очерки о зарубежных странах.

Рады отметить, что свое шестидесятилетие Вы встречаете в самом расцвете таланта, работая над новыми произведениями.

Ваша многолетняя творческая работа снискала высокую общественную оценку. Вы награждены орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». Вы принимаете активное участие в жизни писа-

тельской организации, являясь членом правления Союза писателей Российской Федерации, членом редакционной коллегии журнала «Наш современник».

Сколько же на самом деле лет Юрию Нагибину и чем вообще измеряется возраст писателя?

Вопрос не праздный и не парадоксальный. Мне кажется, что если не в эпоху первого моего чтения, первых книг (послевоенные годы), то в эпоху второго чтения (конец сороковых — пятидесятые), когда, убегаю от обязательных хрестоматийных классиков, демонов школьного детства (тех, что станут потом ангелами нашей юности, придут к нам сами, уже не под стук мелка и указки), в те прекрасные полудетские-полуюношеские годы пришло это имя — Юрий Нагибин.

Уже тогда была его романтическая цыганская «Труба», неумирающий Ваганов, прелестный Бемби, написанный по мотивам сказки Зальтена. И «Зимний дуб», «Комаров», «Ночной гость» — виделись вполне классическими рассказами советской прозы.

Юрий Нагибин так прочно, самостоятельно, давно существует в нашей литературе, так много написал рассказов, очерков, эссе и, наконец, сценариев, что кажется в свои шестьдесят лет литературным мэтром, «академиком с золотым пером».

На самом же деле он — Седой Юноша.

Это не метафора. Действительно, в поседшем, уверенно-свободном, всегда элегантном Нагибине, если взглянешь, есть что-то юношеское, рискованное, озорное. Он всегда подсмеивается над теми, кто изображает значительность...

Подлинная значительность художника — в сути выстраданного слова, в движении его, в том, чтобы входило оно во «всемирный свет и пространство», чтобы отразило образ времени, облик Родины. Слово Нагибина — не полый знак. В нем есть золотая пшеничная теплота, вкус жизни.

Мальчик из литературной семьи, с Чистых прудов, он ушел на фронт, был контужен. Писать начал рано — постепенно, самостоятельно, от рассказа к рассказу завоевывал литературное имя.

Некоторые критики корили его за беглеизм, за обилие сценариев. А читатель расхваливал сборники его рассказов в те времена, когда книги не составляли еще предмет дефицита. Учтите при этом, что рассказы — не самый читаемый жанр. Но мыслящий читатель ЗНАЛ писателя, сам давал ему оценку.

Неисповедимо, как приходит признание.

Нагибин никогда не был писателем одной темы. Наобо-

рот, он поразительно разнообразен: в его прозе и деревни средней России, и экзотические тропики, и африканский президент, и мальчишки военного поколения с Чистых прудов. Не забудем также гражданскую новизну и силу «Председателя».

Но при всем блестящем, как бы мельнающем многоцветии, разнообразии тем и образов ощущения калейдоскопа нет. Напротив. Есть ощущение подлинной и органической целостности его художественного мира. В чем она?

А в самом трудном — в желании, потребности, необходимости, — и это, возможно, самое главное — в ДАРЕ проникнуть в самую суть, в глубину человека.

И вот он пишет о протопопе Аввакуме, о Тютчеве, об Ансикове, о Чайковском, о тех, без кого немислима русская культура. Что это? Исторические этюды, документальные истории, «жизнь замечательных людей»?

Нет, это сны, фантазии, художественные ощущения, они основаны не столько на конкретной данности, сколько на личностном понимании и осмыслении ярких судеб. Мир биографии, как сказал Бахтин, не закрыт и не завершен, он не изолирован твердыми и принципиальными границами из единого и единственного события бытия.

Юрий Маркович Нагибин, Юра Нагибин...

Я познакомился с ним более двадцати лет назад, я был юноша, написавший первые рассказы, он был Седой Юноша, писатель, мастер, руководитель нашего семинара, который собирался где-то в подвале в Лаврушинском переулке. Тогда совещания молодых проходили в более скромной, чем сейчас, обстановке. Сейчас в обиходе слово «поддержать». Не знаю, что это такое. Кто-то вкладывает смысл «подтолкнуть», кто-то «протолкнуть». Но, может быть, и это по-настоящему ВАЖНЕЕ: услышать, понять, сказать о тебе, безвестном, о таком же, как ты. Он сказал. Обо мне ли только?.. О первых ярких рассказах Г. Семёнова, о В. Астафьеве, близком Нагибину поколении, войной, замечательно вошедшем в литературу, но позднее, чем он, об удивительном Ю. Казакове, которого приняли и поняли не сразу, или о более молодых В. Поголеве, И. Уханове.

Каждый по-своему обязан Нагибину. Чем обязан? Нет, не только рекомендацией в союз, заметкой в журнале, пониманием и требовательностью истинного профессионала (хотя все это очень важно). Прежде всего чудом слова, глубоко личным примером преданности литературе, одержимости ею. А из всех видов одержимости такая выше всего!

Владимир АМЛИНСКИЙ

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

9 APR 1980

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

МОСКВА